

**Сборник материалов для
описания местностей и
племен Кавказа**

Выпуск 23

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С23

С23 Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа: Выпуск
23 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 750 с.

ISBN 978-5-458-01612-4

ISBN 978-5-458-01612-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Весь I отдѣлъ XXIII выпуска Сборника занимаетъ статья *Л. Я. Апостолова* „**Географическій очеркъ Кубанской области**“. Этотъ капитальный трудъ посвященъ географическо-историческому описанію одной изъ самыхъ интересныхъ мѣстностей Кавказскаго края, а именно Кубанской области, при чемъ, по возможности, приняты во вниманіе данныя, добытыя Всероссійскою переписью нынѣшняго года. Трудъ этотъ вышелъ также отдѣльною книгой и удостоился еще въ рукописи одобренія Ученаго комитета Министерства Народнаго просвѣщенія.

*
* *

О статьяхъ, помѣщенныхъ во II отдѣлѣ, предоставляю слово *Н. С. Иваничкому*, редактировавшему этотъ отдѣлъ.

*
* *

Въ III отдѣлѣ, помѣщены сказки горскихъ татаръ, записанныя *Евг. Барановымъ* въ Нальчикскомъ округѣ Терской области. Горскіе татары говорятъ на тюркскомъ нарѣчій, почти тождественномъ съ карачаевскимъ и мало отличающемся отъ ногайскаго и другихъ тюркскихъ говоровъ Сѣвернаго Кавказа; они живутъ въ верховьяхъ р. Баксана, подъ названіемъ урусбѣйцевъ, и рр. Чегема, Урвана и Черока, подъ названіемъ чегемцевъ, бизинговъ, хуламцевъ и балкарцевъ, хотя послѣднее названіе является для этихъ народцевъ (кромя урусбѣйцевъ) общимъ и самымъ распространеннымъ. Поэтому наши сказки можно считать *балмарскими*, кромя послѣдней, которая записана со словъ кабардинца.

Сказка „Всадникъ въ шкурѣ жеребенка“ представляетъ по сказочнымъ мотивамъ и нѣкоторымъ подробностямъ много интереса. Завязкой служитъ желаніе аульнаго весельчака, но человѣка бѣднаго, по имени Топучука, разыскать жителя дальняго аула, Адильгирея Занова, который какъ онъ слышалъ, помогаетъ щедрою рукою бѣднымъ. Подобная завязка встрѣчается и въ татарской сказкѣ „Патамъ-бѣднякъ“¹⁾. Въ этой сказкѣ разбогатѣвшій нищій дѣлится своимъ богатствомъ съ другими, но когда онъ услышалъ, что есть гдѣ-то люди, превосходящіе его своего щедростью, онъ идетъ ихъ разыскивать. У нашего Топучука побужденія къ этому совершенно другія: онъ желаетъ только воспользоваться отъ щедротъ Занова.

Источникъ, откуда Зановъ добывалъ средства для своей благотворительности—это набѣги на сосѣдей. Грабительскіе инстинкты, возводимые въ культъ еще въ столь недавнее время горцами Сѣвернаго Кавказа, выступаютъ довольно рельефно въ ихъ сказаніяхъ²⁾. Но въ нашей сказкѣ, а равно и кабардинской „Отцовскіе друзья“³⁾ наклонность къ хищническимъ набѣгамъ на сосѣдей является въ соединеніи съ симпатичной чертой—помочь награбленнымъ добромъ бѣднымъ или подѣлиться имъ съ друзьями и товарищами.

Героя нашей сказки вызываютъ на грабежъ, среди глухой ночи, посредствомъ таинственнаго стука въ окошко, какъ и въ вышеупомянутой кабардинской сказкѣ, какіе-то неизвестные, секретные гости; грабители выступаютъ молча, не теряя лишнихъ словъ: каждый знаетъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ, и каждый увѣренъ, что ему не придется возвращаться съ

¹⁾ Сб. мат. т. XXI, II, 27.

²⁾ Сб. XII, I, 27, въ сказаніи о братьяхъ Ешаноконныхъ; XII. I. 63, въ сказаніи „Красавица-Елена и Богатырь-женщина“; въ Сборникѣ свѣд. о кавк. горц. VI, II, 84, въ сказкѣ „Гоаша-Махо“ и многихъ др.

³⁾ Сб. XXI, II, 161.

пустыми руками ¹⁾). *Неизвестныя* нашей сказки напоминают также таинственные сподвижники ночных находений Варахуновой въ каб. сказаніи „Красавица-Елена и Богатырь-женщина“. ²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что обѣ сказки имѣютъ также общимъ имя героя: Зановъ и вара-батырь Зане ³⁾).

Во время совмѣстнаго набѣга новыхъ друзей Зановъ отдаетъ Топучуку похищенную имъ княжну съ тѣмъ, чтобы онъ выдалъ ее замужъ, за кого она сама пожелаетъ, и взять за нее богатый выкупъ. Выдавъ замужъ княжну и сдѣлавшись богачомъ, благодарный Топучукъ задумываетъ высватать за своего друга достойную его невѣсту, заручившись ея согласіемъ выйти за незнакомаго ей Занова. Мотивъ о сватаньи дѣвушки для друга, незнакомаго еще невѣстѣ, встрѣчается и въ кабардинской сказкѣ „Гошна-Махо ⁴⁾), но въ послѣдней другъ-сватъ убѣждается, что онъ самъ любитъ невѣсту, между тѣмъ какъ въ нашей сказкѣ Топучукъ до конца остается безкорыстнымъ другомъ.

Отвлекаемый постоянными набѣгами, нашъ герой забываетъ о своей невѣстѣ-незнакомкѣ и не обращаетъ вниманія на плеть, которую ему прислала невѣста; расплетаясь, плеть должна была ему напомнить о томъ, что его невѣстѣ угрожаетъ опасность. Мотивъ о расплетаніи плети при приближеніи опасности для любимаго человека встрѣчается и въ малорусской сказкѣ „Про Сучича“; разница заключается только въ томъ, что въ послѣдней показываюся изъ нагайки, данной на память невѣстой жениху, капли крови ⁵⁾).

¹⁾ Об. свѣд. VI, II, 35, см. ст. „Кабардинская старина“.

²⁾ Сб. XII, I, 67.

³⁾ Еще въ XII вып. Сборника (I. 67 въ при.) я обращалъ вниманіе на то, что свавы называютъ мингральцель—зане.

⁴⁾ Сб. свѣд. о кавк. горц. VI, II, 84.

⁵⁾ Проф. Сумцова „Малорусскія сказки“ по сборникамъ Кольберга и Машинской (изъ Этногр. Обзор. XXII, 125); тамъ же указана литература предмета.

Во время набѣга конецъ плети совѣсьмь оторвался, и Зановъ, понявъ угрожающую его невѣсть опасность, отправляется на выручку. На пути онъ дѣлаетъ доброе дѣло—велѣтъ закопать въ землю дохлаго кабана. Но *одному* не удалось бы ему выручить своей невѣсты: является всадникъ въ шкурѣ жеребенка, съ помощью котораго онъ совершаетъ чудеса храбрости. Подъ впечатлѣніемъ этихъ подвиговъ, ханъ возвращаетъ ему добровольно невѣсту, засватанную уже имъ противъ ея желанія. Но прежде чѣмъ нашъ герой возвратился съ невѣстой домой, таинственный всадникъ объявляетъ ему, что это онъ былъ превращенъ въ мертваго кабана, за несоблюденіе правила—не идти *одному* навстрѣчу опасностямъ. Мотивъ о *благодарныхъ мертвецахъ* широко распространенъ въ сказкахъ всѣхъ народовъ, но въ нашей сказкѣ побужденіе мертвеца къ оказанію помощи ¹⁾ выражено неясно: онъ спѣшитъ на помощь какъ будто только за тѣмъ, чтобы доказать пригодность правила—не пускаться *одному* въ опасный путь, но на дѣлѣ имъ руководитъ чувство благодарности за то, что Зановъ предалъ его тѣло землѣ.

Въ первой части сказки „Трусь“ набрасывается, какъ и въ другихъ подобныхъ сказкахъ ²⁾, картина мелкаго трусишки. Трусь, выведенный изъ терпѣнія насмѣшками обѣихъ своихъ женъ (въ другихъ сказкахъ упоминается или объ одной женѣ, или о матери), хочетъ доказать свою храбрость и отправляется добывать себѣ богатство. На пути ему попадаетъ навстрѣчу эмегенъ ³⁾, сшивающій развѣшины въ зе-

¹⁾ Параллели указаны въ Предисловіи къ XX вып. Сборника; тамъ же и выраженъ мой взглядъ на нравственную подкладку сказокъ, въ которыхъ говорится объ оказаніи живущимъ помощи со стороны мертвецовъ. Ср. замѣтку проф. В. Миллера къ сказ. „Елена-красавица и Богатырь-женщина“, Сб. XII, 73.

²⁾ Сб. II, 109—118; VI, 112; XIII, II, 295; XX, II, 19; XXII, III, 9; Сб. свѣд. о кавк. горц. II, II, 71; В. О. Миллера, Матеріалы два изученія еврейско-татскаго языка, 29.

³⁾ Эмегены у карачаевцевъ. Сб. III, II, 146.

мѣ¹⁾); въ другихъ кавказскихъ сказкахъ трусъ встрѣчаетъ дива или великана, въ великорусской „Змѣй и цыганъ“—змѣя²⁾, а въ малорусской „Сапожникъ и медвѣдь“—медвѣдя³⁾. Стараясь удивить эмегена своей силой, трусъ прибѣгаетъ по обыкновенію къ хитрости, при чемъ потребовались, какъ и въ талышинской сказкѣ, только *одинъ* пробы силы, между тѣмъ какъ въ другихъ сказкахъ—*три*. Первая проба—выжиманіе изъ *малыя* сока или воды—это общее эпическое мѣсто, а вторая—выдавливаніе изъ *земли* воды составляетъ видоизмѣненіе первой. Основная идея та же, что и въ сказкахъ другихъ народовъ—побѣда ума надъ физической силой⁴⁾. Соперница нашего героя на поприщѣ изворотливости и хитрости—лисица, видѣвшая его въ самомъ началѣ разсказа въ роли жалкаго труса, подстрекаетъ великана, какъ и въ татарской сказкѣ⁵⁾ и вышеупомянутой талышинской, употребить по отношенію къ нему все превосходство своей силы, но въ нашей и татарской сказкахъ лисица посрамлена трусомъ, а въ талышинской даже переходитъ на его сторону. Укажу еще на одну подробность. Въ талышинской сказкѣ лисица тащитъ оробѣвшаго великана къ дому труса на веревочкѣ, а въ нашей—совѣтуетъ ему держаться за ея хвостъ. Въ сказкахъ другихъ народовъ если хитрая лисица и издѣвается надъ кѣмъ-нибудь, то только надъ недогадливымъ волкомъ или медвѣдемъ⁶⁾.

Сказка „Хитрый сынъ“ развиваетъ тему о прелюбодѣяннн супружеской чоты. Мужъ и жена обманываютъ другъ друга, а вырослый сынъ, свидѣтель увлеченій родителей, ста-

¹⁾ Въ авар. ск. „Царь-дѣвица“ старикъ шиваетъ дорогу. Сб. свид., V, 69.

²⁾ Аванасъевъ I, 407.

³⁾ См. вышецит. соч. Н. Ѳ. Сумцова, стр. 105.

⁴⁾ Параллели указаны въ Предисл. къ XXI вып. Сб. мат., стр. V.

⁵⁾ Сб. VI, II, 109—118.

⁶⁾ Аванасъевъ, IV, 1—15.

рается исправить ихъ хитрыми выдумками. Цѣль достигнута: сначала отказывается отъ любовника мать, а затѣмъ и отецъ отъ своей любовницы. Мотивъ о прелюбодѣяннн встрѣчается также въ кабардинской сказкѣ „Нарунъ-Незнайко“¹⁾, но въ ней супружескую вѣрность нарушаетъ только одна жена, а взрослому сыну не приходится даже и въ голову исправлять свою мать: наткнувшись случайно на любовное свиданіе матери, онъ не можетъ уже съ прежнею любовью смотрѣть ей въ глаза и бѣжитъ отъ нея и одуроченнаго ею отца. По своему замыслу и многимъ деталямъ съ нашей сказкой совпадаетъ малорусская „Газдыня и дьячокъ“²⁾, гдѣ точно такъ же, какъ и въ кабардинской, прелюбодѣяннн совершается только однимъ изъ супруговъ—женой; но малорусская сказка отличается отъ нашей одной весьма существенной чертой: роль сына беретъ на себя работникъ. Обѣ сказки расходятся еще въ слѣдующей подробности: жена приноситъ по ошибкѣ обѣдать на поле мужу, а не любовнику, какъ это она хотѣла, но въ балкарской сказкѣ ошибка эта произошла вслѣдствіе того, что сынъ подвизывалъ свою рубашку подъ брюхо чернаго быка, чтобы его сдѣлать похожимъ на быка сосѣда, съ бѣлою полоскою шерсти подъ брюхомъ, а въ малорусской отъ того, что работникъ просто перемѣнилъ пахавшихъ быковъ.

Сказка „ЖЕНА ОХОТНИКА“ повѣствуетъ о предательствѣ жены—тема, разрабатываемая въ сказкахъ на всѣхъ языкахъ. Завязка нашей сказки напоминаетъ намъ армянскую сказку „Невѣста-всадникъ“³⁾, съ которой она имѣетъ много общихъ чертъ. Проведу параллель между обѣими сказками.

1) Въ нашей сказкѣ объявляетъ отецъ предъ смертью

¹⁾ Сб. XXI, II, 214.

²⁾ Н. Ф. Сумцовъ, Малорусскія сказки по сб. Кольберга и Машинской (изъ XXII кн. Этн. Обзор.); тамъ же указаны параллели.

³⁾ Сб. VII, II, 79.

четыремъ своимъ сыновьямъ (въ сказкахъ обыкновенно являются три сына) послѣднюю свою волю — не охотиться за курганомъ, видѣющимся вдаль отъ дома, такъ какъ тамъ ихъ ожидаетъ неминуемая смерть; и въ арм. сказкѣ царь завѣщалъ своимъ тремъ сыновьямъ не посѣщать мѣстность на югъ отъ его царства.

2) Какъ въ той, такъ и въ другой сказкѣ старшіе братья погибаютъ въ саду, богатомъ растительностью — въ нашей отъ жеребца, изъ ноздрей котораго валилъ дымъ, а въ арм. — отъ таинственного всадника, на *летучей* лошади, овлававшего впоследствии женщиной.

3) Въ нашей сказкѣ младшій братъ прячется въ укромномъ мѣстѣ, а въ арм. это мѣсто названо точиѣ — дупломъ дерева.

4) Нашъ герой идетъ отыскивать жеребца, но по дорогѣ встрѣчаетъ трехъ великаншъ — двухъ сестеръ и мать; къ первой изъ нихъ онъ приласкался и она дала ему кусокъ дерева, на которомъ сдѣлала жѣтку зубами; по этому знаку пропускаютъ его старшая сестра и мать, при чемъ послѣдняя даетъ ему наставленіе, какъ поймать жеребца и овладѣть царской дочерью, которой принадлежитъ жеребецъ. Арм. сказка великаншъ не знаетъ: младшій братъ сразу находитъ летучую лошадь, которая ему сообщаетъ средство къ тому, чтобы овладѣть красавицей Великанши нашей сказки имѣютъ много сходнаго съ карачаевскими *аметъ*-женщинами ¹⁾ и чеченско-дагестанскими *картъ*, а не знающій никакихъ преградъ жеребецъ съ кабардинскими *аметъ*; арм. летучая лошадь то же, что и закавказскія сказочныя *раши*.

5) Обстановка, среди которой находилась царевна, въ обѣихъ сказкахъ почти одинакова: и въ той и другой сказкѣ она спитъ крѣпкимъ сномъ въ уединенномъ домикѣ (дворцѣ) ²⁾.

¹⁾ Сб. III, II, 157.

²⁾ Св. свѣд. II, V. 69.

VIII

6) Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи обѣ сказки расходятся, при чемъ судьба, которая выпадаетъ на долю женѣ въ нашей сказкѣ, а въ армянской мужу, совершенно иная. Совмѣстную жизнь нашего героя съ царевной разстраиваетъ вѣдьма-куртка: она подговариваетъ жену убить мужа, пропадающаго по цѣлымъ днямъ на охотѣ и удѣляющаго слишкомъ мало времени своей женѣ, но для исполненія этого намѣренія она совѣтуетъ ей узнать, гдѣ находится его душа¹⁾). Жена узнаетъ, что душа находится во лбу и имѣетъ форму ножа. Куртка вырываетъ изъ лба душу и бросаетъ въ рѣку. Охотникъ умеръ, а куртка вмѣстѣ съ его женой, на чудесномъ жеребцѣ, перелетаетъ на берегъ моря, гдѣ и поселяется. — Въ арм. сказкѣ отлучается изъ дому жена, оставивъ въ утѣшеніе мужу свой портретъ. Мужъ роняетъ портретъ въ рѣку, которая и уноситъ его своимъ теченіемъ въ другое царство. Царь этой страны влюбляется по портрету въ оригиналъ и велитъ одной старухѣ доставить ему красавицу. Она ее находитъ и во время сна въ бочкѣ спускаетъ по водѣ къ царю. Заслуживаетъ вниманія энической пріемъ сравниваемыхъ сказокъ—это роль въ нашей сказкѣ вѣдьмы-куртки, а въ арм.—старухи. Точно также въ одной изъ напечатанныхъ раньше сказокъ, а именно въ армянской „Лисица“²⁾), разъединяетъ супруговъ коварная старуха.

7) Конецъ сравниваемыхъ сказокъ совершенно другой: въ арм. сказкѣ мужъ находитъ свою жену и на летучей лошади спасается съ ней; въ нашей—сестра героя находитъ случайно его душу (лягушка чесала спину о ножичекъ) и оживляетъ брата. Вмѣстѣ они разыскиваютъ вѣдьму-куртку и жену-предательницу, которыхъ и постигаетъ заслуженная кара. Отправляясь на розыски брата, сестра сдѣлала себѣ

---

¹⁾ Параллели къ этому мотиву указаны въ Предисловіи къ XXII вып. Сборника.

²⁾ Сб. XIII, II, 35.

желѣзные башмаки и желѣзную палку; со стальными подошвами и съ желѣзной палкой въ рукѣ, разсказываетъ сестра брата въ авар. сказкѣ „Красавица-Есензулхаръ“ ¹⁾).

Сказка „Коварная жена“ принадлежитъ къ категоріи сказокъ, въ которыхъ доврчивый мужъ подвергается обману со стороны жены. Жена пророка, понимающаго языкъ птицъ, влюбилась въ его ученика, а чтобы птицы не могли быть свидѣтельницами ея намѣны мужу, она, по совѣту любовника, уговариваетъ мужа истребить ихъ. Всѣ являются на зовъ пророка, за исключеніемъ филина, который предупреждаетъ его не слушать совѣтовъ жены. Послушавшись филина, пророкъ избѣгаетъ своей участи. Мотивъ о птичьемъ языкѣ пользуется большимъ распространеніемъ въ сказкахъ всѣхъ народовъ ²⁾).

Сказка „Женщина съ сѣрыми глазами“ представляетъ собою сращеніе двухъ общезвѣстныхъ сказочныхъ сюжетовъ: о злой мачехѣ и обменѣ дѣтей. Послѣ смерти матери оставшіяся три дочки уговариваютъ отца вторично жениться, такъ какъ имъ скучно жить безъ матери. Точно также въ лавской (казидумухской) сказкѣ „Заза-Бѣлая вдова“ ³⁾ дочка уговариваетъ отца жениться на сосѣдѣ, но это она дѣлаетъ по другимъ побужденіямъ: она прельщена разными ея любезностями.

Старшая дочь совѣтуетъ отцу жениться на женщинѣ съ сѣрыми глазами и рыжими волосами, и отецъ идетъ разыскивать такую женщину. Узнавъ о его намѣненіи, колдунья обуръ преобразилась въ женщину, какую хотѣлъ найти вдовецъ, и вышла за него замужъ. Сдѣлавшись мачехой, колдунья даетъ себя чувствовать падчерицамъ. И брюнетка съ сѣрыми глазами оказалась такою же злою мачехою для па-

¹⁾ Сб. свѣд. кавк. гор. II, V, 43.

²⁾ Пред. къ XX вып. Сборника.

³⁾ Сб. свѣд. о кав. гор. I, V, 51.

сынка въ наб. сказкѣ „Три добрыхъ совѣта“¹⁾). Такимъ образомъ, въ нашей и каб. сказкахъ *сырые глаза* оказались общимъ внѣшнимъ признакомъ дурного нрава; что же касается рыжихъ волосъ, противъ которыхъ существуетъ всеобщее предубѣжденіе, то они, повидимому, не всегда возбуждали подозрѣніе и даже могли служить признакомъ глупости²⁾).

Дальше сказка развивается параллельно съ кабардинской „Три дочери старика“³⁾), но она имѣетъ также весьма близкое литературное родство со сванетской „Касаръ“⁴⁾), мингрельской „Золотныя дѣти царя Кучи“⁵⁾) и груз. „Три сестры“⁶⁾). Отдѣльныя подробности во всѣхъ этихъ сказкахъ варьируются весьма незамѣтно. Въ нашей и сванет. сказкахъ отецъ отдѣляется отъ своихъ дочерей по наущеніямъ мачехи, а въ каб. сказкѣ подъ вліяніемъ гнетущей бѣдности: ему нечѣмъ кормить ихъ. Отецъ бросаетъ дочерей въ яму, прикрытую соломой, куда ихъ заманиваетъ сладкими яблоками. Это весьма обычный сказочный приемъ, но къ нему прибѣгаютъ въ другихъ сказкахъ мужья, желающіе отдѣлаться отъ злыхъ (супротивныхъ) женъ — женъ-сморщицъ⁷⁾). Обращаю вниманіе на любопытную подробность: отецъ приноситъ яблоки дочерямъ, засунувъ ихъ за спину чересови; чтобы дочери нашли ихъ, онъ заставляетъ ихъ чесать себѣ спину; старшія не хотятъ, но младшая соглашается. Этой подробностью въ особенности нашу сказку напоминаетъ грузинская сказка.

¹⁾ Сб. XXI, II, 175.

²⁾ Сб. XII I, 102, каб. ск. „Кто глупѣе“; но въ томъ же выпускѣ, въ ск. „Наскочила коса на камень“, на стр. 123 *рыжая борода* служитъ признакомъ коварства.

³⁾ Сб. свѣд. о кав. гор. VI, II, 108.

⁴⁾ Сб. X, II, 163.

⁵⁾ Сб. X, III, 25.

⁶⁾ Сб. X, III, 62.

⁷⁾ Литер. предмета въ примѣчаніи къ каб. сказкѣ „Злая жена и чудовище“ Сб. XII, 110.